

## Антонина Николаевна Березняк (Куликова)

...Небольшой ленинградский двор дома № 54 на Лиговке – территория, где мы проводили большую часть свободного времени. В доме тридцать квартир, все друг друга знают. Дружно жили. И я – единственная девочка, которую приняли в свою компанию старшие парни – друзья Бориса. Они опекали меня, брали с собой на всякие «сборы» своей команды..

...В то воскресенье, 22 июня, ребята собрались на Кировские острова купаться. Я, конечно, с ними. Уехали рано, часов в восемь. Позже я думала, почему нас отпустили родители? Почему не остановили? Потом поняла: воскресным утром ещё никто не знал, что началась война. Объявили об этом только в полдень.

Мы искупались и пошли бродить по парку. Видим, вокруг радиопродукторов собираются люди. Подошли, остановились. Узнав ужасную новость, заторопились домой. Идём по городу и понимаем – в нем всё вдруг изменилось: небо серым стало, потемнело, люди головы опустили, никто не улыбается, не смеётся.

В первые дни мы, дети, не сразу осознали, какая беда пришла. По инерции еще в кино бегали. Радовались, что в школу ходить не надо, можно погулять. А потом начался голод. Продовольственные склады всё время бомбили. Мама вместе с другими женщинами-домохозяйками ходила разбирать завалы, спасать продукты, которые уцелели. Рассказывала, как по улице рекой тёк расплавившийся от пожара сахар. Люди черпали его котелками, приносили домой. Сахар затвердевал, и его можно было лизать или колоть на маленькие кусочки. Так мы и делали.

Папу на фронт не призвали, он работал на военном производстве. К ноябрю перестали выдавать крупу, макароны и другие продукты. Остался один хлеб. В декабре норма хлеба – на нас, иждивенцев – убавилась до 125 граммов в день. Люди умирали от голода. Идешь по улице и – и рядом с тобой человек упал и не встает. А подойти, помочь, поднять – сил нет.

Пока было тепло, фашистские самолёты сбрасывали на Ленинград бомбы несколько раз в день. С наступлением холодов нас обстреливали снарядами из орудий – немцы подошли близко. Очень страшно было и видеть привыкать к тому, что на твоих глазах рушатся дома... Жутко. Но всё же голод был страшнее бомбёжки.

В двадцатых числах декабря к нам в гости пришёл дядя Семён, сын папиного брата. Посидел, поговорил с мамой и ушёл. Утром мама разбудила Бориса:

- Сходи за хлебом. – Дело в том, что брат, учащийся артиллерийской школы, ходил в шинели, как все военные, а значит, имел право отовариться без очереди.

Кошелёк с карточками мама хранила под подушкой. Борис оделся. Мама взяла кошелёк, открыла – карточек нет. Ни одной. На всю семью.

- Куда они могли деться? Всё время тут лежали...

Вспомнили, что вчера приходил Семён. Он взял – больше никому. Когда опомнились от шока, решили, что к двоюродному брату на разговор пойдём мы, дети: я и Борис.

- Его надо разжалобить, - решила мама.

Мы пошли. Жил он на Невском. Пришли рано, Семён с женой ещё спали. Мы стали просить вернуть карточки, плакать, объяснять, но безрезультатно. Жена молчала, а мужчина притворился глухим. На все наши слова он отвечал:

- Что? Что? Я не слышу, что вы говорите... не понимаю. Что?

Ничего не добившись, мы ушли. Предстояло прожить десять дней без хлеба. Мама куда-то сходила, попросила, объяснила ситуацию, и ей выдали сладкую мучную массу – не знаю, что это было. Из этой массы варили каши и кормили меня и братьев. Что ели папа с мамой, и ели ли вообще?... После этого случая папа совсем ослаб, перестал ходить на работу, лежал дома. Весной 1942 года папа умер. От голода.

У мамы опустились руки. Если бы не Борис, не знаю, что бы с нами произошло.... А потом умер Коленька. Мы с мамой уже начали поговаривать о том, что надо

эвакуироваться в Костромскую область к бабушке. Пока был жив папа, думали – выдержим, а без него стало совсем тяжело. Мама решила: надо уезжать.

Оформили эвакуационные удостоверения. На Финляндском вокзале нам, как всем отъезжающим, выдали полторы буханки хлеба. Мама с Борисом пошли за документами, а меня оставили с вещами. Мимо проходила незнакомая женщина. Вдруг она схватила полбуханки и побежала. Я охнула и крепко двумя руками прижала к груди оставшийся хлеб. Догнать воровку мы, конечно, не смогли. Мама успокаивала: «Ничего. Ладожское переедем, а там, говорят, кормят в столовой...»

На пригородном поезде доехали до озера. Выстояли большую очередь на посадку, сели в машину с открытым кузовом. Лёд на Ладоге кое-где уже подтаял. Мы слышали, что иногда машины с эвакуированными тонули. Нам повезло – добрались благополучно.

На той стороне пересели в поезд. До Костромской области ехали в товарном вагоне. Народу много. Нам досталось место на полу прямо напротив дверей – разместились на вещах, что помягче. На станциях выходили размять ноги. Вдоль вагонов сновали местные жители, предлагали продукты: картошку, овощи, хлеб. Но за деньги ничего не продавали, только – в обмен. Мама взяла с собой в эвакуацию мыло и соль. Эти ценные товары давали в Ленинграде по карточкам, но солить было нечего, да и стирали мы редко, воду экономили – вот и накопилось. Зато теперь не голодали.

Ехали долго – две недели. Несколько раз нас бомбили. Состав останавливался, и люди прятались под вагоны. Кроме того, поезд часто загоняли на запасные пути, чтобы пропустить воинские эшелоны.

Приехали в город Буй Костромской области. До деревни, где жила бабушка, оставалось еще сорок километров. Когда добрались до места, мама совсем ослабла и через две недели умерла. Мы с братом остались с бабушкой.